

1. Белова А.Д. Языковые картины мира в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 29. – С. 17–23.
2. Гаврилова Г.Ф. Предложение-высказывание в когнитивном аспекте // Филол. науки. – 2001. – № 6. – С. 72–78.
3. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // НЗЛ. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5–11.
4. Желнов В.М. Эпистемология в конце XX века (основные парадигмы: закономерности становления и эволюции): Дис... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 1999. – 162 с.
5. Каныгин Ю.М. Основы когнитивного обществознания (Информационная теория социальных систем). – К.: Укр. Академия информатики, 1993. – 236 с.
6. Келли Г. Процесс каузальной атрибуции // <http://www.psychology.ru/library/00029.shtml>
7. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. – М.: Высш. шк., 1965. – 240 с.
8. Кремер И.Ю. Реализация ментального модуля в немецком критическом тексте: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – Краснодар: 1999. – 176 с.
9. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: РАН, 1997. – 331 с.
10. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 241 с.
11. Лекторский В.А. Теория познания (гносеология, эпистемология) // Вопр. философии. – 1999. – № 8. – С. 72 – 80.
12. Лихолай Г.Л. Феномен знання як міждисциплінарний концепт // Мовні і концептуальні картини світу. – № 7. – К.: Логос, 2002. – С. 315-321.
13. Лук'янець В.С. Сучасна практична філософія та її вплив на майбутню долю епістемології // www.uct.kiev.ua/~sofi/lukyan.htm
14. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: РОССПЭН, 1997. – 240 с.
15. Переверзев К.А. „Высказывание и ситуация” как проблема современной философии языка: Дис... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 1999. – 157 с.
16. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
17. Приходько А.М. Епістемічний світ і епістемічний стан мовця // Вісник Черкас. ун-ту. Філологічні науки. – Черкаси: ЧДУ, 2001. – Вип. 24. – С. 6–12.
18. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – 293 с.
19. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
20. ФС: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – 590 с.
21. Чернейко Л.О. Научные парадигмы и сублогические модели языка и слова // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. – 1996. – № 3. – С. 117–131.
22. Doherty M. Grundlagen einer Theorie über sprachliche Ausdrucksmittel epistemischer Einstellungen. – Diss. Zur Erlangung des akad. Grades Dr. Sc. Phil. – Berlin: Humboldt-Univ., 1981. – 233 s.
23. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bd. / Herausgegeben und bearbeitet vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion unter Leitung von Günther Drosdowski. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1978. – 2 992 s.
24. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. – Leipzig: VEB Bibliogr. Inst., 1975. – 458 s.
25. Kertész A. On the contribution of Metascience to Cognitive Linguistics // Linguistische Berichte. – Nr. 190. – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2002. – S. 207–227.
26. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (in 6 Bd.) – Leipzig: Akademie-Verlag, 1978. – 4 579 s.
27. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. – Tübingen: Francke, 1992. – 173 s.
28. Wahrig: Wörterbuch der deutschen Sprache / Herausgegeben von Gerhard Wahrig. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1985. – 944 s.

Кислухина М.В.

АРХИТЕКТОНІКА СУБСТАНТИВНИХ ТЕРМІНІВ ПОДЪЯЗЬКА СЕЛЬСЬКОХОЗЯЙСТВЕННОЇ І ПОЧВЕННОЇ МІКРОБІОЛОГІЇ

In this paper we describe the structural peculiarities of the terms of agricultural and soil microbiology. Also we present different definitions of the term and characteristic features of scientific style.

Научно-техническая терминология представляет собой широкий пласт словарного состава общенационального языка и является чрезвычайно интересной областью лексики. Анализ особенностей (структурных, семантических, частиречных) терминов отдельной терминосистемы (в частности, системы сельскохозяйственной и почвенной микробиологии), а также выявление критериев доминантности и продуктивности при сравнении разных терминосистем, изучение особенностей функционирования отдельных

терминосистем имеет большое значение для научного познания, а также механизма терминообразования в антропоцентричных парадигмах.

В течение последних десятилетий в центре внимания современной лингвистики находятся проблемы выделения и описания терминов, определение процессов становления отдельных терминосистем, структурные и семантические особенности терминов, например: описание терминов механизации сельскохозяйственного производства (Семко, 1988), специальная лексика промышленной токсикологии (Семисюк, 1993), процессы терминологизации в современном английском языке на материале кредитно-банковской терминологии (Дуда, 2001) и так далее. Обзор лингвистических работ в данной области подтверждает тезис о том, что проблематика термина и терминологии становится одной из ведущих в лингвистике.

Цель данной статьи – анализ словообразовательных моделей терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии.

Поставленная цель обусловила конкретные задачи: 1) показать частиречные особенности терминологии сельскохозяйственной и почвенной микробиологии, 2) классифицировать термины по структурным моделям; 3) дифференцировать словообразовательные модели по критериям продуктивности и доминантности.

Сфера научного общения отличается тем, что в ней преследуются цели наиболее точного, логичного, однозначного выражения мысли. Главнейшей формой мышления в области науки оказывается ПОНЯТИЕ, а языковое воплощение динамики мышления выражается в СУЖДЕНИЯХ, которые следуют одно за другим в строгой логической последовательности. Это обусловлено внелингвистической, общественной потребностью в наименовании, не столько признаков, действий и т.д. сколько новых предметов, явлений, понятий [1].

Самыми общими специфическими чертами научного стиля, вытекающими из абстрактности (понятийности) и строгой логичности мышления, являются отвлеченно-обобщенность и подчеркнутая логичность изложения. Также типичными для научной речи являются:

1. Смысловая точность (однозначность).
2. Безобразность.
3. Скрытая эмоциональность.
4. Объективность изложения.
5. Некоторая сухость, строгость, не исключая также своеобразной экспрессивности. Английский историк естествознания Т.Сэйвори в своей книге "О языке науки" также отметил холодность изложения "эмоции только мешают научной объективности"[12].

Отвлеченность и обобщенность непременно пронизывают собой каждый научный текст. Это происходит потому, что почти каждое слово выступает здесь как обозначение общего понятия или абстрактности предмета.

В целом, научной речи свойственен именной характер (по сравнению, например, с художественной, разговорно-бытовой и некоторыми жанрами публицистической речи). Это выражается и в общем преобладании имен. Перечисленные черты характерны и для подъязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии.

Исходя из того, что имя существительное в английском языке самая богатая часть речи и число субстантивного характера намного превышает число глагольного, адverbиального и другого характера, объект нашего исследования составили существительные-термины подъязыка СПМ. В исследуемых текстах на 1000 лексических единиц: существительных – от 33% до 53%, глаголов – 12%, прилагательных – 11.6%.

Терминологический слой лексики, играющий решающую роль в выполнении научным языком его специфической функции, составляет значительную и весьма своеобразную часть общенационального языка. Своеобразие терминологического пласта лексики обусловлено во-первых, тем, что специальные термины являются наиболее текучим, подвижным слоем словарного состава языка. В современных условиях непрерывно появляются все новые и новые термины как узкоспециальные, так и общеспециальные. Мы считаем, что к узкоспециальным терминам относятся такие термины, употребление которых ограничивается специальной областью науки и значение которых неспециалистам непонятно (например, inoculant, nitrification, rehydration, rhizosphere etc.). Они пополняют словарный фонд общенационального языка. Причем, необходимо отметить, что удельный вес терминологического слоя в общенациональной лексике постоянно повышается. Это происходит потому, что наука и техника занимают все более и более заметное место в жизни общества.

Здесь необходимо дать определение термину, т.к. мы считаем, что почти все исследуемые лексические единицы - термины.

Термин определяют, в основном, как слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности.

В лингвистическом словаре дано такое определение термина это "слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [8].

В Большом Энциклопедическом Словаре (Языкознание) мы видим следующее определение термина: термин – (от лат. terminus – граница, предел) - слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую систему лексическую языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии)[9].

Будагов Р.А. определяет термин как слово " со строго определенным значением, с особой функцией"[7].

Но мы считаем, что наиболее полно дано определение термина в работе. С.М. Барак "Терминологическая лексика. Ее место в словарном составе языка. (на материале современной английской терминологии железнодорожного транспорта)". Он определяет научно-технические термины как "слова или словосочетания, выражающие понятия определенной отрасли науки и техники, отражающие сущность явлений и предметов объективного мира с максимальной глубиной, доступной на данном уровне человеческого знания, и имеющие строго научное определение"[6].

Обратимся теперь к наиболее характерным и продуктивным способам образования терминов данного подъязыка. Например, в исследуемой лексике подъязыка СПМ большинство терминов – это производные образованные по линейным моделям, т.е. аффиксальные образования: *aggregation, alteration, compilation, constituent, humidity, swelling etc.*, сложные слова: *ecosystem, genotype, grassland, landscape etc.* Методом простого количественного анализа было выявлено, что из 110 лексических единиц 60,9% – дериваты. Из них 44 термина активно используют суффикс – (t) *ion*, например: *aggregation, alteration, amplification, calculation, colonization, fertilization, germination, fumigation, incubation, nodulation, volatilization, etc.*

Мы обратились к анализу производной лексики ещё и потому, что словообразовательный акт, как и любой акт деятельности, имеет место только тогда, когда он мотивирован потребностью, поскольку именно потребности являются источником любого вида человеческой деятельности, в том числе и языкотворческой. Исследование этих потребностей способствует пониманию личности и системы её ценностных ориентаций. А так как ценности формируются на основе потребностей человека, то в словообразовательно маркированных единицах языка так или иначе эксплицируется информация о системе его ценностей, раскрываются особенности его мировидения, мирочувствования, мировосприятия. Производное слово при таком подходе оказывается, как бы, маленькой моделью представления знания о мире как сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком. А словообразовательный акт в связи с этим предстаёт как логически оправданный акт словотворчества, позволяющий проникнуть в глубь человеческого сознания, в тайны народного духа, в сложный процесс постижения и освоения мира природы и человека [10].

Образуя абстрактные существительные от многочисленных глагольных основ, суффикс *-ation (-ion, -fication)* придает вновь образованным словам значение действия, условия действия, процесса, выраженных основами, или значение состояния быть сделанными так, как на то указывает основа. Например, *colonization - act of colonizing or state of being colonized*. Образовано от глагола с суффиксом *-ize, to colonize* - колонизировать, заселять; *colonization* – колонизация, заселение; *fertilization* - образовано от глагола *to fertilize* - удобрять (землю), (биол.) оплодотворять и обозначает удобрение (земли), (биол.) оплодотворение; форма *-ion* используется, когда словообразующая основа заканчивается на *-ate*: *aggregate - aggregation, cultivate - cultivation, incubate - incubation, inoculate - inoculation, irrigate - irrigation, fumigate - fumigation, contaminate - contamination, calculate calculation, proliferate - proliferation, volatile - volatilization*.

В исследуемой лексике также присутствуют производные с суффиксом *-ness*. Данный суффикс был продуктивен еще в древнеанглийском языке. Это единственный из исконных суффиксов отвлеченных имен существительных, который сохранил до сих пор природу грамматической абстракции и способность к словопроизводству. В ходе своего развития суффикс *-ness* приобрел широкую употребительность. Сейчас с его помощью образуются абстрактные существительные не только от прилагательных, но и от других частей речи, а также и от целых словосочетаний, употребляющихся атрибутивно.

По своему значению все основы прилагательных и адъективных слов, сочетающихся с суффиксом *-ness*, объединяются в один семантический класс. Это слова, характеризующие предмет с точки зрения его качества, признака, свойства, состояния и т.д. В исследуемой лексике это слово *competitiveness*. Существительное образовано от прилагательного на *-ive - competitive* – конкурентноспособный (*- price*) - *competitiveness* - конкурентноспособность. С этим же суффиксом образовано существительное *sickness* болезнь, заболевание. Образовано от прилагательного *sick* - (состояние) больной.

Такие производные как *development, treatment* образованы с помощью суффикса *-ment*. Данный суффикс (L. - *mentum*) был заимствован из французского языка в 12 веке вместе с абстрактными отглагольными существительными. Довольно быстро он приобрел словообразующую роль. Первоначально этот суффикс присоединялся только романским основам, но с 16 века в английском языке встречаются производные от исконно английских основ, например, *acknowledgement* - признание, подтверждение, благодарность, официальное заявление и др.

Образуя существительные суффикс *-ment* выражает такие значения как значение акта или факта выполнения того действия, на которое указывает основа. Он присоединяется к тем основам переходных глаголов действия, которые имеют активное значение. Это касается и существительных *treatment* и *development* (*to treat* – обрабатывать, подвергать воздействию, лечить; *treatment* – обработка, лечение, уход; *to develop* - развивать, разрабатывать, создавать; *development* - развитие, разработка, производство).

Единица *compatibility* образована с помощью суффикса *-ity*. Этот суффикс по своему значению синонимичен суффиксу *-ness*. Очень многие существительные с суффиксом *-ity* были заимствованы либо непосредственно из латинского языка, либо через французский, а часть была образована на английской почве от основ латинских и французских прилагательных, которых в английском языке гораздо больше, чем исконных.

Присоединяясь, как правило, к основам многосложных прилагательных, суффикс *-ity* выражает значе-

ние состояния, качества, условия признака и т.д. Например, *competible* основа прилагательного, обозначающего свойство предмета – совместимый, сочетаемый; *competibility* – совместимость, сочетаемость, сочетание. Такой же суффикс имеют существительные *complexity, diversity, heterogeneity, humidity, productivity, proximity, toxicity, vicinity*. Здесь необходимо подчеркнуть, что абстрактные существительные с суффиксом *-ity* – чаще встречаются в научно-технической литературе.

Производное *swelling* образовано от глагола *to swell* - надуваться, раздуваться, набухать, опухать, образовывать опухоль; *swelling* – опухоль, припухлость; *the condition of being swollen*. Данный суффикс выражает значение процесса, состояния. Наряду с продуктивными суффиксами, при помощи которых словарный состав английского языка продолжает пополняться новыми лексическими единицами, существуют малопродуктивные и непродуктивные суффиксы, встречающиеся либо в одном или нескольких словах, либо как морфологическая примета существительного (например, суффикс *-ure* у существительных *nature*, в исследуемой лексике слово *texture* - *the way a surface, substance or fabric looks or feels to the touch*; строение ткани; степень плотности ткани).

Один из терминов исследуемой лексики (*denitrifier* - от глагола *denitrify*), образован с помощью самого продуктивного из всех агентивных суффиксов – суффикса *-er*. С помощью этого суффикса в древнеанглийском языке от существительных и глаголов образовывались существительные, обозначающие лиц, занимающихся тем видом деятельности, на который указывает производящая основа. С раннеанглийского периода суффикс *-er* развивает также и орудийное значение. Это связано с тем, что с развитием техники ряд приборов, инструментов стал выполнять роль, которую прежде приходилось выполнять человеку.

Термины СПМ образованы с помощью словосложения – *grassland, landscape, groundwater* (1,8%); конверсии – *amount, constituent* (3,6%). Такие единицы как *biomass, atmosphere, biosphere* etc. образованы на основе греко-латинских терминологических элементов (8,2%). В исследуемой терминологии отмечены и фразовые существительные – *turnover, uptake* (1,8%), поскольку одной из интересных особенностей английского словообразования является синтаксический способ, то есть субстантивация словосочетаний. Простые термины составляют 23,7%.

С лингвистической точки зрения терминотема сельскохозяйственной и почвенной микробиологии представляет собой лексико-семантическую подсистему, находящуюся в отношении к общеязыковой системе как часть к целому, и в которой происходит динамическое развитие научно-технических терминов, проявляются закономерности функционального, структурно-семантического и лексико-грамматического плана.

Проведённое нами исследование позволило выявить закономерности образования и существования субстантивной лексики сельскохозяйственной и почвенной микробиологии, а также установить частотные характеристики словообразовательных моделей, выступающих в качестве одного из главных способов номинации исследуемой терминологии. В структурном плане образование терминов СПМ происходит с помощью таких же моделей, что и в общеупотребительной лексике: конверсия, аффиксация, словосложение. Наиболее продуктивным способом является аффиксация, причем суффиксация доминирует над префиксацией.

Мы считаем, что довольно перспективным является рассмотрение единиц сельскохозяйственной и почвенной микробиологии с точки зрения контрастной лингвистики.

Источники и литература

1. Сенько Е.В. Новое в лексике современного русского литературного языка (70-е годы XX века). Дис. канд. филол. наук/ МГПИИЯ им. М. Горького, 1980.- 249 с.
2. Шпак А.М. Учебно-англо-русский медицинский словарь для лечебных факультетов (его отбор и построение). Автореф. Дис. канд. педагог. наук по методике преподавания иностранных языков. М., 1964.- 25 с.
3. Попович Н.Г. Семантико - стилістичні групи іменників у науковому мовозначному тексті // Культура народів Причорномор'я. – Симферополь, 1997.– №2. – С.301–303.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.:Просвещение, 1983. – С.164–174.
5. Макеева Л.Н. Стилистические особенности лексики научной прозы // Культура народів Причорномор'я. – 1998. – № 5. – С. 400–402.
6. Барак С.М. Терминологическая лексика. Ее место в словарном составе языка (на материале современной английской терминологии железнодорожного транспорта). Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ленинград, 1955. – С. 15.
7. Будагов Р.А. "Введение в науку о языке". – М.: "Просвещение", 1965. – С.29, 36.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.- М.: Советская энциклопедия, 1966. – С.474.
9. БЭС "Языкознание". М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.508 – 509.
10. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. – №4. – С.42– 72.
11. Карашук П.М. Словообразование английского языка. М.: Высшая школа, 1977 - 302 с.

12. Savory Th. The language of science. – Ld., 1953. – С.51.

Форманова С.В., Базик О.И.

СЕМАНТИКО-СТИЛІСТИЧНІ ФУНКЦІЇ ХРОМАТИЗМІВ ЯК ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ НАЦІОНАЛЬНО-МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

The interest to the colour is conditioned by life. Last time the semantic of the colour terms developed at the special region in the linguistics' science. Development of the colour terms is connected with the perception of the surroundings.

This article is systematization the investigations by linguistics philosophers and psychologists to the theory of the colour terms and determination of the semantic of the colour terms.

Зацікавленість кольороназвами зумовлена нашим життям. За останній час семантика кольоропозначень трансформувалася в окрему галузь науки про мову, бо розвиток кольороназв тісно пов'язаний зі сприйняттям оточуючого світу.

Ця стаття є першою спробою систематизувати дослідження лінгвістів, філософів і психологів щодо теорії кольору й означити семантику кольороназв.

Мовні засоби, що слугують для вираження кольору, тобто хроматизми, формуються під впливом художньої мети, індивідуального осмислення та естетичних уподобань автора.

Відомо, що семантика колірних ознак надає мові своєрідності, асоціативних і конотативних властивостей. Семантичне поле кольору широке. Воно залежить від історичної епохи, рівня технічного й культурного розвитку, соціальних структур. У зв'язку з цим поняття кольору слід розглядати в межах культурного й просторово-часового контексту.

Досліджуючи типологію колірних ознак, доречно пригадати вислів В.Набокова: “Не знаю, а втім, вірно чи тут говорити про “слух”: колірне відчуття створюється, на мій погляд, дотиковим, губним, ледве не смаковим шляхом...” (переклад наш – С.Ф.) [18, с. 375].

Проблема дослідження колірних ознак розвивалася, поширювалася й поглиблювалася лінгвістами, філософами та психологами (С. Алексеев: 1940, Н. Бахіліна: 1975, Р. Будагов: 1976, О. Веселовський: 1940, Л. Виготський: 1956, И. Гете: 1975, Р. Назар'ян: 1974, В. Кандинський: 1988, Н.Пелевіна: 1962, В.Петренко: 1997, С. Рубінштейн: 1946, С. Соловйов: 1971, Б. Шабоук: 1976, В. Berlin: 1969, E. Bosch: 1975, P. Kay, Ch. MacDaniel: 1978, S. Cioran: 1975 та ін.). Семантику кольороназв досліджували З. Вердієва: 1986, Я. Бистров: 2000, О. Крижанська: 2001. На масиві творів українських письменників проводили дослідження Г. Губарева: 2002, Л. Ставицька: 2000, І. Бабій: 1997, О. Сидоренко: 1998, Н. Борисенко: 1996 та ін.

Дослідники зазначають, що мовні засоби на позначення кольору, тобто хроматизми, формуються під впливом художньої мети, індивідуального осмислення та естетичних уподобань автора. Семантика колірних ознак надає мові своєрідності, асоціативних і конотативних властивостей.

Але окремі аспекти дослідження хроматизмів залишилися поза увагою лінгвістів, а саме: зважаючи на те, що семантичне поле кольору широке, воно залежить від історичної епохи, рівня технічного й культурного розвитку, соціальних структур, поняття кольору слід розглядати в межах культурного й просторово-часового контексту.

Метою статті є урахування стану дослідження хроматизмів у сучасній лінгвістиці, філософії та психології, їхнє місце і роль у формуванні національно-мовної картини світу.

Для досягнення мети сформульовано такі завдання: 1) простежити смислову перспективу функціонування кольороназв; 2) систематизувати й узагальнити дослідження лінгвістів, філософів і психологів щодо теорії кольору; 3) означити семантику кольороназв.

Дослідники стверджують, що колірна ознака з'явилася в мові в діахронічній послідовності. На їхню думку, в творчості письменників переважають означення білого та чорного кольорів, за ними йде червоний, після нього – зелений і жовтий, далі – синій і брунатний. Закономірності використання такого хроматичного ряду пізніше були підтверджені дослідженнями Б. Берліна, П. Кея, Е. Боша, Л. Новикова, Е. Міллера та ін. лінгвістів. Слід зауважити, що ця хроматична ієрархія не завжди витримується в російській мові, але цілком прийнятна для української.

О.Крижанська звертає увагу на необхідність диференційованого підходу до градації колірних ознак: “Усі українські назви кольорів за походженням можна поділити на дві лексико-семантичні групи: первинні і вторинні. До первинних відносяться назви кольорів, які в сучасній українській мові не співвідносяться з іменниками-референтами і означають абстрактні колірні якості. Їхнє походження та зв'язок з певною конкретною назвою розкривається за допомогою етимологічного аналізу (червоний, рум'яний, рудий, жовтий, зелений і т.д.). Вторинними є українські кольороназви, що передають конкретний колір за колірною подібністю до предметів і явищ навколишнього світу” [14, с. 22].

За семантичними властивостями та асоціативними зв'язками колірна ознака виступає мовним засобом художнього твору і несе великий емоційно-експресивний заряд. Першою ознакою семантики кольору є універсальність, яка сприймається на психологічному рівні. Білий колір має емоційне забарвлення й